УДК 343

Криминологическая характеристика и доктринальные проблемы квалификации деяний, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации

Андрей Игоревич Дмитриев
Международный юридический институт, Москва, Россия, andrey@up-leader.ru, SPIN-код: 9660-2341

Аннотация. Представлен детализированный анализ преступлений против территориальной целостности, что обусловлено их высокой латентностью, гибридной природой и спецификой детерминации. Автором раскрывается уголовно-правовая характеристика соответствующих деяний и выявляются ее корреляции с криминологическими особенностями, что в совокупности позволяет сформировать целостное представление об объекте превентивного воздействия.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, территориальная целостность, предупреждение преступлений, уголовно-правовая характеристика, объект превентивного воздействия

Для цитирования: Дмитриев А.И. Криминологическая характеристика и доктринальные проблемы квалификации деяний, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 95–100.

Criminological characteristics and doctrinal problems of qualifying acts aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation

Andrey I. Dmitriev
International Law Institute, Moscow, Russia, andrey@up-leader.ru, SPIN: 9660-2341

Abstract. Presents a detailed analysis of crimes against territorial integrity, due to their high latency, hybrid nature, and specific determination. The author reveals the criminal-legal characteristics of these acts and identifies their correlations with criminological features, which together allow for a holistic understanding of the object of preventive action.

Keywords: criminological characteristics, territorial integrity, crime prevention, criminal-legal characteristics, object of preventive action

For citation: Dmitriev A.I. Criminological characteristics and doctrinal problems of qualifying acts aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 95–100.

В парадигме современной криминологической науки доминирующее положение занимает исследование криминологической характеристики преступности как целостного социально-правового феномена, под которой в доктрине традиционно понимается систематизированная, иерархически структурированная совокупность «…общих и частных признаков, характеризующих качественные и количественные стороны данного негативного социокультурного явления, значимых для прогнозирования преступности, и предупредительного воздействия на нее» [1] .

На основе этого и сходных с ним определений разработаны подходы к раскрытию структуры криминологической характеристики как всего криминалитета, так и входящих в него отдельных групп и видов уголовно наказуемых деяний.

© Дмитриев А.И., 2026

В частности, в качестве одного из наиболее репрезентативных таксономических перечней элементов, образующих криминологическую характеристику, может быть представлен следующий:

1. Количественно-качественные параметры преступности (уровень, структура, динамика, латентность).

2. Криминальная ситуация совершения определенного вида деликтов, включая объекты и предметы противоправного посягательства, а также способы, орудия и инструментарий совершения преступного деяния.

3. Патогенетический механизм преступного поведения (его стадии, психофизиологические и ситуационные детерминанты).

4. Личностные диспозиции субъекта преступления, релевантные для экстраполяции индивидуального криминального поведения и его превенции.

5. Макросреда и микросреда объективного и субъективного порядка, в которой происходила социализация и формирование криминогенной направленности личности.

6. Система этиологических факторов (детерминант) отдельных видов преступлений и всей совокупности преступности как социально-правового феномена.

7. Формы объективации преступного умысла, включая объективные маркеры приготовительных действий и покушения на совершение запрещенного деяния.

8. Виктимологически значимые свойства личности потерпевшего (индивидуально-типологические, ролевые, поведенческие), имеющие прогностическую ценность для виктимологической профилактики, предупреждения и пресечения криминальных посягательств.

Руководствуясь представленным категориальным аппаратом, аккумулирующим узловые компоненты криминологической характеристики преступности, полагаем возможным экстраполировать данный методологический инструментарий на исследование отдельных видов и групп уголовно наказуемых деяний. В соответствии с указанной логикой перейдем к анализу криминологической характеристики преступных посягательств на территориальную целостность Российской Федерации [2].

Прежде чем приступить к содержательной экспликации указанной характеристики, акцентируем следующее обстоятельство: в сфере противодействия рассматриваемой категории деликтов императивный учет подлежит тому факту, что в современных геополитических реалиях данные деяния нередко выступают структурными элементами системной преступной активности, продуцируемой и ретранслируемой из внешней среды. Целевой доминантой такой деструктивной деятельности является нанесение максимального ущерба фундаментальным национальным интересам России, безусловным приоритетом среди которых выступает сохранение территориальной целостности государства. В сложившихся условиях обозначенная детерминанта образует специфическую криминологическую особенность, подлежащую обязательной рефлексии в рамках организации противодействия посягательствам на территориальную целостность Российской Федерации [3].

Преступления, предусмотренные ст. 205.2 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (УК РФ), непосредственно посягают на общественные отношения, связанные с обеспечением территориальной целостности России, в случаях, когда соответствующие призывы, оправдание или пропаганда прямо касаются данной основы конституционного строя государства и так или иначе побуждают к противоправному воздействию на нее, в том числе формируют в других людях побуждения и цели, которые могут привести их к непосредственному участию

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

в насильственных или иных общественно опасных деяниях, угрожающих единству и неприкосновенности территории России.

Вместе с тем эти преступления и лица, их совершающие, должны восприниматься как представляющие серьезную опасность не только для общественной и государственной безопасности, а равно для основ конституционного строя России в целом, но и конкретно для ее территориальной целостности, в частности. Это объясняется тем, что любые публичные призывы к террористической деятельности, оправдание и пропаганда терроризма и экстремизма так или иначе привносят нестабильность и напряженность в общество, способствуют возникновению и нарастанию протестных настроений в нем, подталкивают к саботажу государственной политики и принятых на ее основе решений, неуважительному отношению к ним и готовности примкнуть к различного рода террористическим или экстремистским объединениям, а равно совершать конкретные преступные посягательства под эгидой таких объединений, использующих не только политические и идеологические, но еще и другие стимулы, в том числе имущественного характера [4].

Как подчеркивается в п. 16 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации[2] (далее – Стратегия), уголовно наказуемыми деяниями экстремистской направленности вызывается повышенный общественный резонанс, производится дестабилизация общественно-политической и социально-экономической обстановки не только в отдельно взятых субъектах Российской Федерации, но и во всем государстве, оказывается негативное влияние на национальную безопасность.

Следующий элемент криминологической характеристики рассматриваемых преступлений образуют обстановка их совершения, объекты и предметы данных посягательств, используемые для их осуществления способы, орудия и средства. Прежде всего, обратим внимание на актуальную обстановку, в которой планируются, подготавливаются и непосредственно совершаются рассматриваемые преступления. О ней обстоятельно сказано в Стратегии, утвержденной Президентом России в конце 2024 г., где обстановка охарактеризована через указание ряда существенных внешних и внутренних угроз, противодействие которым требует напряжения всех имеющихся у государства и его институтов возможностей и средств, в том числе в направлении предупреждения посягательств на территориальную целостность Российской Федерации [5].

Внешние угрозы при этом исходят из следующих источников:

1) всестороннее содействие недружественных государств и различных негосударственных объединений экстремизму внутри России для дестабилизации общественно-политических и социально-экономических отношений в стране (стимулирование, финансовая и иная поддержка);

2) нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, включая инспирирование «цветных революций» за счет координационного объединения усилий по искусственному созданию обстановки нестабильности в политике и смене существующей власти;

3) фальсификационные изменения мировой истории с дискредитацией роли и места России в ней, сопряженные с противоправными действиями в отношении национальных социально-культурных ценностей;

4) активное распространение экстремистской идеологии и поддержка международных террористических и экстремистских организаций, ориентированная на совершение с их прямым или опосредованным участием террористических актов и других опасных уголовно наказуемых деяний на территории России.

[2] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 28 дек. 2024 г. № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Внешние угрозы и порождающие их источники способны оказать заложенное в них деструктивное воздействие только при сочетании с внутренними угрозами, к которым в Стратегии отнесены следующие:

1) использование существующими экстремистскими объединениями социальных, экономических, культурных, национальных, религиозных и других проблем в государстве как повода для своей противоправной деятельности;

2) распространение экстремистской идеологии, в том числе с проникновением «распространителей» в органы публичной власти, и активное вовлечение в основанную на ней деятельность широкого круга граждан, в особенности молодежи, участников различных групп в сети Интернет, мигрантов;

3) внутренняя финансовая поддержка экстремизма, создание замкнутых анклавов на национальной и религиозной почве;

4) инициирование проявлений сепаратизма в отдельных регионах, основанных на межэтнических и прочих противоречиях и конфликтах и способных дезинтегрировать государство и подорвать единство существующего в нем общества.

При осуществлении криминологического анализа деяний, посягающих на территориальную целостность страны, методологически оправданно акцентировать повышенную общественную опасность и охранительную ценность объекта данных преступлений, ибо криминальное воздействие на него порождает прямую угрозу существованию российской государственности [6].

Равным образом следует принимать во внимание, что территориальная целостность России, будучи базовой компонентой конституционного строя и детерминантой национальной безопасности, выступает в качестве объекта гетерогенных криминальных посягательств. В целях систематизации предлагается условно дифференцировать последние на две основные категории [7].

К первой категории относятся преступные деяния, релевантные сфере информационного экстремизма (включая его террористический сегмент) [8]. Ко второй категории – деяния, конститутивным признаком которых выступает прямая противоправная направленность на нарушение территориальной целостности России, выражающаяся в захвате и удержании части государственной территории, а равно в противоправном фактическом либо формально-юридическом изменении ее пространственно-территориальных границ.

Кудрявцев В.Н. выделял четыре элемента механизма совершения умышленного преступления, по сути, отражающие этапы осуществления уголовно наказуемого деяния, состоящие в мотивации, планировании, исполнении и наступлении преступного результата [9].

Механизм преступного поведения предполагает определенную переработку, преломление личностью человека воздействующих на нее факторов внешней среды на основе имеющегося массива информации социального и генетического характера. В связи с этим к основным, ключевым звеньям (элементам) в механизме преступного поведения относится мотивация, изучение которой способствует повышению эффективности профилактических и иных превентивных мер, ориентированных на конкретные виды преступлений [10].

Мотивация преступного поведения представляет собой внутренний, психический процесс возникновения, формирования и непосредственного осуществления преступного деяния, в основе которого лежат определенные мотивы, установление содержания и значения которых позволяет выявить скрытую сущность преступления [11]. Для этого важно устанавливать и учитывать все внутренние побуждения лица, подтолкнувшие его к совершению преступления, вне зависимости от того, влияют ли они на юридическую оценку последнего и назначение наказания за его совершение [12, 13].

Проведенное в рамках настоящей статьи исследование криминологической характеристики преступлений, посягающих на территориальную целостность Российской Федерации, позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Преступления, направленные против территориальной целостности государства, обладают экзистенциальной общественной опасностью, поскольку объектом их криминального воздействия выступают фундаментальные основы конституционного строя и национальной безопасности России.

Деструктивное влияние на данный объект создает прямую угрозу суверенному существованию российской государственности, что обусловливает необходимость выделения указанной категории деяний в самостоятельный объект криминологического мониторинга и превентивного воздействия.

Список источников

1. Кургузкина Е.Б. К вопросу о криминологической характеристике преступности // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 57.

2. Долгова А.И. Экстремизм и правовая основа реагирования на него // Военное право. 2018. № 4(50). С. 252–260.

3. Дуюнов В.К. Уголовное право России. Общая и особенная части. 3-е изд. М.: Изд. Центр РИОР, 2017. 403 с.

4. Дуюнов В.К., Подройкина И.А., Закомолдин Р.В. Феномен наказуемости и наказание в механизме уголовно-правового воздействия. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2022. 256 с.

5. Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2014. № 4. С. 21–36.

6. Жирова М.Ю., Кондратюк С.В. Недостатки процессуальной регламентации производства обыска в свете обеспечения защиты прав и свобод человека // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3. № 4(6). С. 94–97.

7. Иванцов С.В., Борисов С.В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 51–56.

8. Колесников Р.В. Общесоциальные и специально-криминологические меры профилактики современной преступности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 197–203.

9. Криминология: учеб. /под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 178–179.

10. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений. М.: Изд-во «Форум», 2014. С. 192.

11. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии и его профилактика // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 2. № 4(100). С. 69–75.

12. Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 47–48.

13. Чернявский Д.О., Скулаков Р.М. Публичные призывы к нарушению территориальной целостности: проблемы социально-политической обусловленности уголовно-правового запрета // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31). С. 73–79.

References

1. Kurguzkina E.B. K voprosu o kriminologicheskoj harakteristike prestupnosti // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2008. № 2. S. 57.

2. Dolgova A.I. Ekstremizm i pravovaya osnova reagirovaniya na nego // Voennoe pravo. 2018. № 4(50). S. 252–260.

3. Duyunov V.K. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i osobennaya chasti. 3-e izd. M.: Izd. Centr RIOR, 2017. 403 s.

4. Duyunov V.K., Podrojkina I.A., Zakomoldin R.V. Fenomen nakazuemosti i nakazanie v mekhanizme ugolovno-pravovogo vozdejstviya. M.: Izd-vo «Yurlitinform», 2022. 256 s.

5. Zhil'cov S.S. Istoki sovremennogo ukrainskogo nacionalizma // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya. 2014. № 4. S. 21–36.

6. Zhirova M.Yu., Kondratyuk S.V. Nedostatki processual'noj reglamentacii proizvodstva obyska v svete obespecheniya zashchity prav i svobod cheloveka // Gumanitarnye balkanskie issledovaniya. 2019. T. 3. № 4(6). S. 94–97.

7. Ivancov S.V., Borisov S.V. Aktual'nye voprosy ugolovno-pravovogo protivodejstviya rasprostraneniyu ekstremistskoj ideologii v Rossijskoj Federacii // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2022. № 2. S. 51–56.

8. Kolesnikov R.V. Obshchesocial'nye i special'no-kriminologicheskie mery profilaktiki sovremennoj prestupnosti nesovershennoletnih // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 4. S. 197–203.

9. Kriminologiya: ucheb. /pod red. V.N. Kudryavceva, V.E. Eminova. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2013. S. 178–179.

10. Kondrat I.N. Ugolovnaya politika gosudarstva i normativnoe pravovoe regulirovanie ugolovno-processual'nyh otnoshenij. M.: Izd-vo «Forum», 2014. S. 192.

11. Kondratyuk S.V. Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoj ierarhii i ego profilaktika // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2021. T. 2. № 4(100). S. 69–75.

12. Borisov S.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za publichnye prizyvy k osushchestvleniyu dejstvij, napravlennyh na narushenie territorial'noj celostnosti Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya nauka. 2014. № 4. S. 47–48.

13. Chernyavskij D.O., Skulakov R.M. Publichnye prizyvy k narusheniyu territorial'noj celostnosti: problemy social'no-politicheskoj obuslovlennosti ugolovno-pravovogo zapreta // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2015. № 1(31). S. 73–79.

Статья поступила в редакцию 03.08.2026; одобрена после рецензирования 12.08.2026; принята к публикации 14.08.2026.
The article was submitted 03.08.2026; approved after reviewing 12.08.2026; accepted for publication 14.08.2026.

Информация об авторе
А.И. Дмитриев – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института (Россия, 127427, г. Москва, ул. Кашенкин луг, 4).

Information about the author
A.I. Dmitriev – graduate student in the Department of Criminal Law Disciplines at the International Law Institute (Russia, 127427, Moscow, Kashenkin Lug St., 4).